

The background image is a composite of two scenes. The top portion shows a bright, hazy sky with large, billowing white clouds. On the left, a tall, slender skyscraper with a pointed top is visible. On the right, a massive, dark, cylindrical skyscraper with a grid-like facade dominates the frame. The bottom portion of the image shows a dense, dark cityscape at night or dusk. A prominent feature is a large, glowing, metallic dome structure in the middle ground. A curved, glowing orange-red path or road winds through the city. The overall atmosphere is one of advanced technology and urban complexity.

Баир Жамбалов

За этот шанс во Вселенной

12+

Баир Жамбалов
За этот шанс во Вселенной

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Жамбалов Б. В.

За этот шанс во Вселенной / Б. В. Жамбалов — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Империя человечества Солнечной системы, цивилизация человечества, простирающаяся от Меркурия до Плутона, готовится, вооружается. Безвозвратно уходит время безмятежного спокойствия и мирного созидания. Враг найден, враг существует, живёт, развивается в глубинной бездне Вселенной. И сила его в выражении физическом, духовном, интеллектуальном заставляет с тревогой биться сердца землян... В эту эпоху интенсивной милитаризации сверхмощной цивилизации землян - империи человечества Солнечной системы девушка Земли второй раз попадает в плен разуму хитрому, дьявольски изощрённому...

1

Человечество готовилось. Человечество вооружалось. Века безмятежного спокойствия и мирного созидания уходили в историю. В умах, в сердцах, в восприятии чувственных запахло войной. И она, война – неизменная спутница в жизни далёких предков, на генетическом уровне и на уровне активного сознания заклокотала в душах, поразила воображение.

Враг был найден, враг существовал, жил, развивался. Вечный спор «одни ли мы во Вселенной или нет» испарился как дым, как будто и не было его. Но каких, же, тварей невиданной дьявольской силы создала Природа в этих необъятных просторах многокомпонентной Вселенной?! И благодаря разуму, этап за этапом постигающему саму суть Природы, открывающему вероятности возможного в плане научном, техническом, технологическом, вот эта осознанность необъятности просторов Вселенной становилась весьма условной.

Враг, рождённый за миллионы, миллиарды световых лет от домашнего очага человечества, мог в любой миг необратимого течения реки-времени оказаться на околицах Солнечной системы, у ворот обитания цивилизации человечества Земли, чьим домом и стала вся система родной звезды. И этот враг был определён. И сила его в выражении физическом, духовном, интеллектуальном заставляла с тревогой биться сердца землян. И имя его известно – антер! Цивилизация антеров! Но каких, же, тварей невиданной дьявольской силы создала Природа в этих необъятных просторах многокомпонентной Вселенной?!

Человечество Солнечной системы готовилось. Человечество вооружалось. В душах, в умах, в воображении пугающе предстала зловещая перспектива вероятностной войны. Много, что было всегда привычным в арсенале, отбрасывалось за всей её ненужностью, бесполезностью. И атомная, и водородная бомбы, и их средства доставки – ракеты, химическое, бактериологическое оружие и их средства доставки – ракеты, этническое, геофизическое, климатическое оружие и тому подобное даже и не рассматривались в данной интенсивной стадии милитаризации, ибо они, в своё время, были предназначены только для уничтожения человека человеком, и всего лишь. Но лазерное оружие, невероятно мощное, чем то, что на заре своего возникновения, имело актуальность, несомненное право на дальнейшее развитие. Да ещё как!

Также такие устройства, столь похожие на комплекс HAARP на Аляске сего высокочастотным излучением, представлявшим опасность для примитивных спутников того давно ушедшего времени, обозначенного веком двадцатым и двадцать первым, не остались в плане милитаризации. А может, по тем временам, он предназначался, возможно, для поиска гипотетического «червячного перехода» до созвездия Вега, как писали некоторые источники того времени, но что этот переход в эпоху звездолётов с варп-двигателем, когда звездолёты превратились в самые, что ни на есть галактолёты. Так вот, подобные комплексы были привлечены для милитаризации. Эти современные аналогичные комплексы во множественном числе, но не столь громоздкие, а весьма и весьма компактные, транспортабельные, могуществом своим намного превосходящие своего архаичного предшественника, составляли вооружение многих, теперь уже военных кораблей, курсирующих, несущих дежурство на окраинах Солнечной системы.

Интенсивной милитаризации не уступала и идеологическая составляющая, взорвавшая чуть ли не все средства массовой информации и сам интернет Солнечной системы, эту уж поистине паутину всемирно звёздной системы, хотя до галактической пока ещё далековато по вечно необратимому истечению реки-времени. Но что до неё, когда и запахло межгалактической войной. И вот этим объектом такого грандиозного внимания был он, попавший на видеокамеры землян ещё на той планете и представлявший собой всю расу, всю цивилизацию антеров – тот космический дьявол, тот полководец, тот воин именем Риаб. И не было страшнее образа в умах, сердцах, воображении землян.

Исторические негодяи-диктаторы, некогда в массовом исчислении истребившие себе подобных рода человеческого, казались рядом с ним невинными младенцами. А как иначе..., громадный рост, мощный торс, могучие плечи безоговорочно указывающие на обладателя огромной физической силы. Бледно-синий, устрашающий облик, и пылающий огонь, и ледяной холод от бездонного взгляда, повергающего в беспомощное состояние шока и всякой парализации воли. Само исчадие ада и страсть дикого, неумного зла, источающего яд, и повергающее всё на пути. Истинное воплощение дьявола, притаившееся в бездонных глубинах многокомпонентной Вселенной...

2

Встречный ветер, теплотой и свежестью обдувал лицо, всё тело, особенно на этой высоте птичьего полёта. Было истинным удовольствием парить в воздухе на ганимедах, птицах, названных в честь Ганимеда, спутника Юпитера, где их вывели первоначально. Замечательные произведения биотехнологии и генной инженерии.

Ещё во время второй экспедиции «Джомолунгмы», когда они возвращались домой, забрав Мидори в открытом космосе, он мечтал обзавестись такой птицей и совершать вместе полёты на планетах Солнечной системы и их спутниках. И вот теперь они летели над ухоженными полями, садами, дремучими лесами, широкими долинами, с вкраплениями синеватых озёр и узорами таких же небольших речушек. Изобилие красок различных цветов, блестящих везде и повсюду, лишь только радовали глаз. И весь этот обзор с высоты, где деревья становятся миниатюрными, крошечными, а овцы, пасущиеся по живописной степи, представляют собой подобие движущихся точек. Высота предполагала такое ощущение восторга от изумительного ландшафта, представшего в ином ракурсе, что будет всегда всплывать памятью об этих истинно счастливых моментах жизни.

Мягкий, ярко-зелёный ковёр густой травы, массирующий нежно босые ноги. Дуновение тёплого ветерка. Опушка леса. Цветы на лужайке, радующие глаз всеми красками, какими обладает природа. Необычайный по красоте лес. Серебристая ель и кипарис, пальма и клён, сосна и баобаб. Одним словом – ассорти из разных широт. Кипарис и ель по соседству? Внешне похожие, они составляли интересную пару. Пружинистой поступью вышел гепард, но, заметив их, пустился обратно в лес. Надо же. Видимо чутьё подсказало ему, что истинный властелин этого мира – человек, и потому он опасен для него, самого быстрого хищника. Закуковала кукушка, нарушив особенную тишину. Всё это вдобавок с ярким светом и безоблачным небом синего цвета, на горизонте переходящим в фиолетовый фон, переносило в какой-то волшебный мир сказок. Да, Плутон, после той первой встречи, всегда казался теперь особенным, прекрасным. Как же долго не были они здесь!

– Мидори, вот эта опушка – для меня особое место, – тихо, затаив дыхание, проговорил Стэн.

– Да, я знаю, и для меня тоже, – таким же тихим был ответ.

Прошло два года после возвращения, а они вот только сегодня впервые после того события оказались на этой опушке этого чудесного леса, да и вообще на самом Плуtone. И в этом была инициатива Стэна.

Каким бы не было триумфальным, торжественным их возвращение с дальних глубин Вселенной, но осторожности имело место быть. И пусть в средствах массовой информации они выглядели истинными героями и, конечно, она, но, всё же, в официальных кругах было далеко не всё, то, же самое. Мидори, с её согласия, подвергли генетическому анализу, дабы убедиться – не подделка ли это. На всё способен могущественный враг, уничтожающий звезду. Но генетический анализ показал стопроцентное совпадение и наличие самой истинной личности. «Может, сканировать мозг?» – такой вопрос был сразу же отмечён самой Мидори и с возму-

щением всего экипажа «Джомолунгмы». Элькьяер и Янг на данный момент, после такого триумфального возвращения, имели вес, да и поддержка самого Фонтэна, да и к тому же налицо нарушение конституции Солнечной системы о правах и свободе личности. Противники руководствовались, прежде всего, осторожностью, пугая при этом страшным образом антера. Но они оказались в меньшинстве, хотя, кое-чего и добились. Пусть и не сканирование мозга, но отлучение от дальних межзвёздных экспедиций.

На своей единственной пресс-конференции Мидори заявила, что антер, удерживавший её на своём корабле, не имеет враждебного настроения и потому не враг, но это тогда должного внимания не удостоилось, а по истечении времени и вовсе потонуло в потоке, можно сказать, истерии средств массовой информации. А такое заявление, скорее всего, списали на воздействие гипноза или ещё каких-нибудь средств психического воздействия. Враг такой силы спокобен и не на такое внушение.

В скором времени эта версия и стала главенствующей. Но вот это странное освобождение? Может, Мидори – наживка, воздействованная неизвестным техническим, технологическим или психическим образом? Хотя... Мидори предоставила полный отчёт своего пребывания на корабле антеров непосредственному начальнику Бёрдсли – руководителю отдела космогонии. Но вот только знания о языке антеров, а также их врагов с Гратана, как называли свою планету сами антеры, она утаила.

«Я обещаю. Это будет мне легче сделать, чем тот поступок, что переместил меня из одного мира в другой».

Легче ли? Возможно, но... она и родным близким, и самому Стэну не раскрыла вот эти подаренные знания. Легче ли. Возможно, но..., а ведь стоило ей раскрыть это всё, то и судьба, и положение в данный момент, были бы, наверняка, совсем другими, и даже, скорее всего, ожидал бы её бурный рост карьеры, а об отстранении от мечты о звёздных, межгалактических экспедициях и не было бы речи.

Спокойствие за личную безопасность в плане физическом, но лишение духовного спокойствия. За что, такое в линии судьбы? Но в сохранении этой тайны она старалась придерживаться того обещания, данного суровому воину, полководцу. И может, ещё что-то заставляло её придерживаться этого. Но что? В глубине души понимала, но сама, же, отказывалась верить в это. Но неужели она, чьим достижением является, прежде всего, интеллект, превосходные знания в области космогонии, старалась в чём-то, в какой-то составляющей части души, походить на него, того страшного дьявола из бездны Вселенной. И это она – хрупкая девушка. Но ведь разные миры! И это тоже в сокровенных кладовых души. И всё, же, ведь он оценил тогда, и притом высоко, тот её поступок. И она была гостьей на его корабле. Она была первой и единственной, переступившей порог командного пункта. Что ж, может, это очень многого стоит в линии её судьбы, стоит такой высоты, о чём никогда бы и не подумать, не представить.

– Стэн, мне тяжело без звёздных экспедиций. Я жду тебя, а сердце обливается кровью горечи. Я ведь тоже могла быть рядом с тобой, с вами, там, в далёких звёздах, галактиках. Ведь это всё, была моя мечта, когда-то исполненная мечта. Как прерванный полёт...

– Даже Элькьяер, Янг, даже сам Фонтэн не могут. В Конгрессе Звездоплавания абсолютное большинство против. Только пересечение по Солнечной системе. Мы все, весь экипаж «Джомолунгмы», писали рапорт о твоём возвращении. Но нас не слышат.

– И даже те, ради высших целей так активно толкавшие меня на корабль так называемых врагов, – в интонации Мидори господствовала ирония.

– И даже те. Но ведь ты не говоришь, кто они, – с волнением отвечал Стэн.

– Я никогда не скажу. И пусть живут с исполненной мечтой. Тот, которого они так боялись, бояться, хотя он так далеко отсюда, стоит на неизмеримо высокой ступени Вселенной. И он – мой друг! Кто они перед ним? Жалкие черви, да и только.

Была в этих словах злость, но не только. Было осознание своего высокого уровня в пространстве Вселенной, что ценилось ею сейчас, может, выше, чем вот эта вся узаконенная условность или реальность. Как никто другой, Стэн понимал, что изменилась она, уже не та, вся в расцветии искренности. Нет, не было в этой перемене ничего такого отрицательного или же чего-нибудь такого горделиво надменного, но той мечтательности юной девушки, может, той прозрачной чистоты в переплетении с какой-то наивностью, всё же не было. Появились оттенки философского суждения, преисполненного опытом. И это-то на фоне столь юного, прекрасного лика красавицы, всего образа её? Но проведи-ка столько времени на чужом корабле...

В первое время не было отбоя от журналистов, репортёров разного уровня и калибра со всей Солнечной системы. Да, её отгораживали от них, как могли. Но всё же. И вот в своих интервью она говорила только одно, что тот инопланетянин, страшный образ которого так усиленно муссировался всевозможными средствами массовой информации, вовсе не враг, а ей лично придется другом. Но разве поверить этому, когда сам взгляд этого монстра с экранов, мониторов, голограмм уже наводил ужас. Да и ещё память на генетическом уровне продолжала хранить, и это было не бесполезно, отрицательное, плохое, мерзкое, подлое, уж изрядно накопившееся за историю человечества. Ну, а насчёт таких её заявлений приходили в голову разве лишь такие мысли: «Она как зомби. Возможно, это уловка врага. Какова же сила психического воздействия?»

Вот это-то, таковое суждение большинства и явилось основной причиной устранения от дела, чуть ли не от всех космических профессий и, главное, от её мечты. И дома, среди родных, и Стэну она говорила то же самое. Могли ли поверить родные, мог ли поверить Стэн? Они всем видом своим показывали, что верят ей. Но ведь что-то затаилось в самых дальних закоулках души. А Элкьяер, а Янг, а Бёрдсли, а Майоров, а космогонисты, а разведчики?

Могла ли Мидори доказать всему человечеству своё видение этого далёкого, но страшного космического феномена, своё отношение к нему? Нет и нет. Первое впечатление, неизгладимо оставившее след в умах, сердцах, душах, воображении крепко держало в плену страха, тревоги, предубеждённости, и с этим ничего не поделаешь.

Вот та самая опушка леса, и те же цветы на лужайке, и этот необыкновенный по красоте лес, и кукование кукушки, и это безоблачное синее небо, на горизонте переходящее в фиолетовый фон. Всё это скорее не успокаивало, не уводило её в приятную ностальгию, а добавляло лишь тихой грусти, а то и тоскливой печали. А ведь тогда был совсем другой эмоциональный фон. Накануне гарантированного исполнения мечты, не то, что предчувствие, уже осязаемое прикосновение к ней. Её ждал невиданный и потому грандиозный, и к тому же первый в истории человечества полёт, вот такой прыжок через неисчислимые галактики. В какой же части Вселенной окажутся они? Сердце её только и жило этим. Да и та неожиданная встреча со Стэном лишь добавила ощущение счастья исполненной мечты. Но то было тогда, а сейчас её сердце опустошённое, лишённое надежд. Разве что, рядом любимый. Но ведь сейчас далеко не те далёкие времена, когда девушке и хватало одного лишь этого.

– Грустно мне. Как напоминание о тех счастливых днях перед первым прыжком человечества. Я отвержена и вот эта опушка не даёт мне успокоения, не даёт, и даже наоборот. Полетим отсюда. Который час? – с тихой грустью говорила она и затем вскочила на ганимеда.

– Скоро двенадцать. Должны быть новости, – взглянув на наручный компьютер, не спеша, стараясь как можно дольше задержаться на этом месте, он не вскакивал, а медленно принимал положение всадника птицы.

– Ну, тогда посмотрим новости, – постаралась Мидори не торопить его.

Хотя, что новости. Они теперь не так уж интересовали её. Как всегда напоследок посмакуют предполагаемую угрозу и покажут военные, сплошь набитые оружием, корабли, курсирующие на окраинах Солнечной системы.

И тут же на опушке необыкновенно рукотворного леса возник голографический образ ведущей новостей, воспроизведённый наручным компьютером, истинно колоссально информационным вместилищем. И выразилась вся гамма, палитра цветистого парио в чистейшем воздухе Плутона. И тут же она, ведущая новостей, поразила Мидори и Стэна, и, разумеется, всех тех, кто соприкоснулся на данный миг с передачей новостей, что скоростью света пронесится по всей Солнечной системе, завораживающе необычной интонацией голоса, содержащей весомую долю тревоги, а то и страха. Такому могло предшествовать какое-либо экстраординарное, сверх чрезвычайное происшествие.

«Всеми видами телескопов, а также патрульными кораблями обнаружен неизвестный космический объект искусственного происхождения. Нет никакого сомнения в том, что этот объект является космическим кораблём. Как известно по данным наших межзвёздных и галактических экспедиций, во всей внешней спирали нашей Галактики «Млечный Путь», включая также и часть внутренних спиралей, нет высокоразвитых цивилизаций, способных на полёт в космос. Отсюда предположительно следует, что данный звездолёт неизвестных оснащён варп-двигателем и, следовательно, прибыл в регион Солнечной системы из другой галактики. Но какой? Нам неизвестно», – голос ведущей артистизмом своим, но, скорее всего, искренностью сопереживания с конкретным явлением современного события, так и бросала в дрожь, возможно, всю так называемую аудиторию Солнечной системы, прильнувшую в данный миг к экранам плазменных телевизоров разнообразнейших конфигураций, прильнувшую к мониторам, к голограммному парио компьютеров, транспьютеров.

Мидори и Стэн не явились исключением из правил, и также с трепетом и волнением взирали на это невероятное событие современности, что величественно, но вместе с тем и таинственно зловеще, вот так и разворачивалось в трёхмерном изображении парио здесь, на опушке этого чудесного плутонского леса.

А событие со временем, необыкновенностью своей, для всех землян представляла сродни такому же, какое когда-то пережил экипаж «Джомолунгмы» тогда, на орбите той безымянной планеты в той же неведомой галактике, канувшей в небытие вместе со своей уничтоженной звездой от разума и рук воинственного представителя неизвестной могущественной цивилизации.

Чужой звездолёт на этот раз был в единственном числе. Он – создание неизвестной, но высокоразвитой технической, технологической, инженерной мысли, степенно и величаво шествовал в сторону Солнечной системы. Сигарообразная впереди и сзади, в середине переходящая в цилиндрическую форму, конструкция. Такой звездолёт Мидори видела впервые.

3

Человечество, и так пребывавшее на волне возбуждения, зашевелилось, как самый встревоженный муравейник. Все новости начинались с этого загадочного корабля, впервые в истории земной цивилизации, оказавшегося в этом галактическом регионе, совсем поблизости, рядом с Солнечной системой. Звездолёт этот явно не походил на звездолёты, которые довелось встретить «Джомолунгме» в неизвестной галактике на орбите неизвестной планеты. Но, всё же ..., ведь звездолёты земной цивилизации разные по классу и внешности, но этот явно другой, иной от иного разума. И у всех, конечно, возник, теперь уже всем знакомый до мельчайших деталей, образ того, который так усиленно и муссировался всеми средствами массовой информации. А как же иначе?

И, конечно, конечно, все вспомнили единственного представителя землян, не только вступившего в контакт, но даже долго пребывавшего на корабле тех грозных, можно сказать, дьяволов из далёких глубин Вселенной. И Конгресс Звездоплавания, и правительство Солнечной системы тоже. И в новостях в прямом эфире Мишель Фонтэн обратился прямо к Мидори о

том, чтобы она сообщила о своём местонахождении, о помощи. Что послужило такому решению? По всей видимости, земляне готовились вступить в контакт. И встрепенулся космический флот землян...

Мидори, в характере которой и в душе отсутствовали хоть какие-либо предпосылки капризности, согласилась сразу и без раздумий. Но, всё же, главную роль, что не подлежало сомнению, сыграло осознание того, что она хоть как-то будет при деле. Впервые после возвращения.

Земляне готовились к контакту. Что послужило такому решению? Ответ был на поверхности. Чужой звездолёт подавал сигналы.

Голограмма в открытом космосе, как и тогда на орбите той планеты. На этот раз не голографический образ Мидори, как тогда, а знакомый контур, подобие лучевого оружия. Земляне так и застыли в ожидании. Что могло бы это означать?

Через мгновения, словно выждав паузу, возник снизу пламень огня, затем обхватил со всех сторон лучевое оружие, которое постепенно растаяло в этом пожирающем пламени. Исчезновение первого образа, за которым проследовал второй. Контур подобия боевой ракеты. И повторение той же картины. И так далее. Попадались среди этих образов и неизвестные землянам виды оружия, в чём никто не сомневался, которых ожидала та же участь. Язык этот был доступен, наверное, каждому разуму необъятного космоса. Можно было бы всё это перечёркивать двумя линиями наискосок. Но приемлем ли такой символ для каждого разума, у которого могло быть своё собственное отношение и, возможно, совсем наоборот? А так всё ясно. Огонь, всегда огонь во Вселенной. Его уничтожающий фактор известен и разуму, и животному инстинкту. Отсюда следовало, что намерения пришельцев мирные. Но кто они? Возможно, такая эволюция, и скорее в историческом плане, нежели в биологическом, могла коснуться тех, с которыми когда-то повстречался экипаж «Джомолунгмы», и особенно Мидори. Но кто они на этом звездолёте?

Прошло определённое время, новости продолжали развитие сюжета реальности в космосе. Корабль неизвестных шествовал также степенно и величаво, но уже в сопровождении эскорта, почётного ли, который составили десятки земных кораблей, оснащённые мощнейшими видами оружия, шествовали от самого солнечного фокуса до облаков Орта, к окраинам Солнечной системы. На орбите Харона их поджидал «Монблан», звездолёт громадного размера в окружении караула из военных дисколётов. Не удивителен был этот выбор, позволяющий ошеломить пришельцев, незваных гостей. На этом же корабле, в числе довольно таки многочисленной делегации, находились Стэн и Мидори. Присутствовали и некоторые члены экипажа «Джомолунгмы», и в первую очередь Элькьяер, Янг, Бёрдсли – руководитель отдела космогонии, Майоров – командир разведчиков и другие.

В нескольких сотнях метров звездолёт пришельцев чинно остановился. Ведь они не пленники, а посланцы. Само оснащение варп-двигателем говорило о многом. Они, находившиеся внутри этого звездолёта, также добились научных, технических, технологических высот? И какова же она – вершина интеллектуального потенциала?

Но, всё же, громадность «Монблана», вызывавшая восхищение у землян, конечно же, должна была внушить уважение этим гостям из глубин Вселенной. Около получаса длилось это ожидание. Казалось бы, недолго, но ожидание за это короткое, всё-таки, время так и подстёгивало землян таким уж здоровым, нарастающим любопытством. Удивительное чувство, так и толкающее вперёд сам прогресс, что и есть, как есть. Вот, вот и станет ожидание вот таким уж утомительным. Но вовремя из корабля пришельцев выделился выступ, образовавший небольшую площадку, и отчётливо высветилось что-то, подразумевающее подобие люка, которое медленно, как бы подчёркивая важность момента, самого события, открывалось. И таковым оно продолжало оставаться ещё несколько минут. Такая процедура явления пришельцев взору землян невольно навевали ох, какую пышную торжественность. Хотя, наверное, так

и было на самом деле. И, наконец, они стали выходить друг за другом, как звёзды эстрады и всяких разных шоу, утомивших зрителей долгим выжиданием...

Их, послов, было пятеро. Обтянутые, на вид лёгкие, скафандры спереди, но с мантией сзади, подчёркивающей лишь только торжественность.

И радостно забились сердца, и облегчённо вздохнули, и заметно посветлели лица землян при виде их. Эти не обладали громадностью роста и ужасающим взглядом тех, чей образ так усиленно и муссировался во всех средствах массовой информации Солнечной системы. И заметно посветлели лица землян при виде их, и облегчённо вздохнули, и радостно забились сердца...

* * *

– Гиаманты, – едва слышно, то ли с горечью, то ли с ненавистью, но всё-таки с преобладанием удивления проговорила, прошептала вслух Мидори так, что никто и не услышал, даже рядом стоявший Стэн.

4

Если тот, которого повстречали из экипажа «Джомолонгмы» на той экзопланете и на орбите её и он, им его воины на тех звездолётах с варп-двигателем, вызывали страх, ужас, оцепенение, то эти всё, что угодно, но не эти чувства. И от того было заметно легко на душе. Устремлённый взгляд на них как бы рассеивался. Наверное, этому придавало конусообразное лицо ребром вперёд, навстречу смотрящему. Глаза по обе стороны ребра пылали, иначе и не скажешь, лучами добродушия, источали радость, обаяние, этакую коммуникабельность и, конечно, интеллект высокой степени совершенства. И это предполагало к доверительному диалогу. Наступал момент второго в истории, но настоящего конструктивного контакта.

Дипломатия у землян, переданная по наследству от далёких предков, была на высоте. «Монблан», предназначавшийся для этой самой необычной, необыкновенной встречи, был не только огромен, но и сиял великолепием, роскошью вплоть до мельчайших деталей атрибутов, чтобы удивить, восхитить...

Да. Роскошь в различных цветовых оттенках, но, всё же, в доминирующем фоне золотистого сияния, придавала истинную торжественность всего этого уж чересчур необыкновенного, феноменального события, что навечно войдёт в календари мировой истории, ныне исчисляемую в границах Солнечной системы, а в недалёком будущем и в границах Галактики Млечный Путь.

И вот это великолепие по достоинству оценили космические гости, прижимая ладони обеих рук к тому месту, где предположительно, ибо они являлись таковыми андроидами землян, должно находиться сердце, и при этом совершая поклон. Но ведь это есть у многих народов Земли. И не только это роднило с образными представлениями, какими-то элементами этикета землян. Ещё стоя на площадке, выступившей от звездолёта, они воздели руки вперёд, ладонью вверх. «У нас нет оружия. Мы пришли с миром», – такой жест был понятен каждому. И только один держал в руке шкатулку небольшого размера. Спустя некоторое мгновение она высветила в пространство голографическое изображение самих её владельцев также с распротёртыми вперёд руками, на что Мишель Фонтэн, который и был в этот торжественный момент руководителем делегации землян, произвёл в ответ наручным компьютером голографическое изображение согласия. Теперь же и не возникало сомнений, что они будут изъясняться вот этими техническими средствами. Предстоящий диалог приобретал определённую линию.

Космические гости, пройдя феерически сияющий вестибюль великолепного «Монблана», эдакой вершины роскошных туристических круизов, и при этом, выказывая своё вос-

хищение в виде той же прижатой ладони к груди, иногда сопровождающийся кивком головы, поднимались величаво по широким ступеням на следующий этаж. Их сопровождали лишь избранные для этой весьма необыкновенной аудиенции, встречи, контакта члены Конгресса Звездоплавания, правительства, счастливики из числа журналистов и репортёров из самых солидных агентств. Не так уж далеко ушли от предков.

Большая часть от делегации человечества Солнечной системы осталась в вестибюле. Но это не означало – остаться в стороне, ибо контакт, диалог предполагал быть прозрачным, и потому на стенах этого просторного помещения разместили огромные плазменные экраны, а компьютеры, транспьютеры осветили пространство 3D голографическим парио. В этой довольно таки суетливой обстановке забыли про Мидори, которую пригласили именно для контакта. Но космическими гостями оказались далеко не те, которых заведомо ждали, подняв по тревоге сотни боевых кораблей, ощерившихся оружием мощнейшего класса. Пока сотни, ибо количество их неустанно увеличивалось в бешеном темпе. Впервые экономика изобилия Солнечной системы уделила внимание милитаризации. Вот уж где разыграла генетическая память! За мир и спокойствие надо платить и такую цену.

Мидори отошла от этого восторженного скопления землян, составивших делегацию, и стояла в данный момент в уединении недалеко от выхода, но продолжала смотреть на плазменный экран, в котором воспроизводилась творящаяся история на втором этаже «Монблана». К ней присоединился Стэн.

– Возможно, мы найдём общий язык и станем союзниками... – говорил он с надеждой, разделяя мысли всех остальных, идущих от сознания, подсознания, глубинных струн души.

– Возможно, – тихо ответила Мидори, закрыв плотно все тайники души, и молча созерцая вот это невиданное в истории и, потому без преувеличения, можно сказать, великое явление, каковым и должен быть контакт.

А оно, это явление, имело место быть великим и торжественным. Широкий стол переговоров, самого контакта венчал это.

Как и предполагали заведомо, диалог шёл посредством демонстрации 3D голографических изображений. Карта космического региона, предъявленная космическими гостями, тут же была зафиксирована всеми компьютерами и транспьютерами и занесена в интернет Солнечной системы. Все планеты Солнца с придыханием следили за ходом контакта в прямом эфире. И если жители Харона, Плутона и «близлежащих» космических комплексов получали информацию мгновенно, то по мере приближения планет, их спутников, жилых космических станций, комплексов к Солнцу с запозданием. Примерно через пять часов она достигнет правительства Солнечной системы, расположенного на Земле.

Земляне в свою очередь также наглядно продемонстрировали карту Солнечной системы, и не только. Грозные космические корабли с мощнейшим современным вооружением, за которыми последовали изумительные рукотворные пейзажи, захватывающие дух. Возможно, в этом определённую роль играло и хвастовство, как один из компонентов наследия далёких предков. Так что изумлению космических гостей имело место быть. Уж кто-кто, а Мидори знала это лучше всех.

Но вот предстала очередная голограмма пришельцев издалека некой жутью соцветия парио, истомляя ожидание чего-либо такого, извлечённого ли предшественником неведомой тайны. Вот она-то, жуткая ли голограмма и повергла в неожиданный шок всех присутствующих землян.

Дьявол ужаса неведомых пучин Вселенной предстал во весь исполинский рост и взирал куда-то вдаль, извергая глубинным взглядом несокрушимую мощь, а то и жестокость...

Мидори узнала его. Это был он – Риаб.

Разумеется, он не видел, никак не мог видеть в данный миг и землян, и этих космических гостей, так неожиданно представивших вот такую информацию. По всей вероятности, они – вот эти нежданные пришельцы были довольны достигнутым эффектом. Выждав определённое истечение времени, к этому изображению добавился ещё один штрих, но существенный. Пламень всё уничтожающего огня пожирал космического монстра. Тот в свою очередь плавился, теряя былую мощь. Глумление было налицо. И это не могло не вызвать восхищения у землян, которое они едва ль скрытно, но всё же продемонстрировали. Другая же сторона диалога, контакта дружно закивала головой. О-о, как же близки оказались в этом жесте гости из глубин Вселенной! Как очевидно соприкосновение, хоть в чём-то разных разумов!

И если восхищение землян за этим широким столом всё-таки было, исходя от статуса делегатов от всей цивилизации, как-то сдержанным, то вот это чувство уже изливалось через край у тех, оставшихся в вестибюле. Комментарии журналистов, репортёров также были под стать такой атмосфере. Волна всеобщего оптимизма, вероятнее всего, по телевидению, по интернету прокатывалась всё дальше вглубь Солнечной системы.

И был всего лишь единственный человек во всём этом могущественном потоке, не разделявший общезвёздной волны оптимизма. Ей, как никогда, стало горько и больно за друга в эти минуты всеобщей эйфории, и не только. Прибавилась досада на своих же землян. Они, как и космические гости, ликовали, словно шакалы над бездыханным телом льва.

Союзник найден, такой же могущественный обладатель звездолётов с варп-двигателем. Чего уж надо.

Диалог завершился. И космические гости, и узкий круг представителей землян спустились в вестибюль, немедленно став объектами внимания остальных. И тут же пошёл своеобразный обмен голограммами с обеих сторон, в общем-то, ничего такого важного не значащих.

От всей этой образовавшейся толпы отделились двое космических гостей в направлении выхода.

– Высокая цивилизация по всей шкале измерений.

– Такой биосферы на всех планетах звёздной системы мы не встречали нигде.

– Высокая техника по всей шкале измерений.

– По всей вероятности, нас сопровождали военные корабли. С кем они воюют? Почему их ошеломил только один вид его?

– Имеющий разум не устоит в равнодушном спокойствии перед этой мерзкой, страшной ошибкой природы всей Вселенной. Я не думаю, что наши вечные враги побывали здесь. Он гонится за тенью совсем в другой стороне Вселенной, всё дальше удаляясь.

– Вот они-то, наши новые знакомцы, владеющие высоким развитием цивилизации, и будут нашими союзниками. Этот союз позволит победить нам его, уничтожить всю эту страшную расу. Но вот почему они готовы немедленно в союзники? Они не воевали с ним. Они не знают его. Они не знают их. Хотя, сам образ его действует и угнетающе, и ужасающе для любого вида разума. Сам вид его физический наведёт на неприятие, на противостояние какую-либо цивилизацию, где бы она ни была. Но что делать дальше, если победа будет на нашей с ними стороне? Сможем ли мы создать в какой-нибудь галактике или у себя дома, в районе родного Гратана, такую биосферу, как на этих планетах этой неизвестной звезды?

– Когда победа повернётся к нам стороной, я думаю, вряд ли нам будет нужен этот союз. Зачем нам что-то создавать, когда здесь всё готово.

– Это так заманчиво. Воевать с ними будет легче, чем с этими вместилищами поганого зла. Пока же, на данное течение времени, без этих не победить нам его, весь вид их. Но я согласен с тобой.

– А мы и не будем воевать. Мы даже намёка не дадим на какое-либо противостояние. Биологическая плоть, где бы она ни была, всегда имеет опасность подвергнуться атаке вирусов, бактерий. Зачем нам открытая война, когда нам оказана такая дружелюбная встреча.

– А пока не наступило это время, будем высоко превосносить своих новых союзников.

К ним подходил третий, но двое оставшихся посреди землян космических гостей продолжали ещё обмениваться любезными голограммами.

– Будет ли успешным этот союз или нет, но он нам нужен. Но какая биосфера у этих тварей! – и этот третий предполагал на своём языке данные мысли точно в унисон.

Те двое молчали, но видом, только им известным, полагали, что подробное обсуждение визита будет у себя на корабле. Но как благоприятна сама атмосфера первого контакта! Кажется, само колесо космической фортуны в данный миг поворачивается в нужную сторону.

– Убивающие младенцев не в силах сражаться в открытом бою. Хотите лживым союзом победить его, гнусно глумящиеся над ним за его спиной, вдалеке от него? Моя цивилизация не будет трусливо поджимать хвосты и убегать по всей Вселенной, потому как у нас просто нет их, которые вы так усердно прячете под роскошной мантией.

Это была неожиданность, полнейшая шокирующая неожиданность! При первых же словах все трое обернулись мгновенно на звук родного языка, так неожиданно резанувшего слух в этом неведомом, далёком краю Вселенной. Остолбенели! Неужели возможно такое?!

Даже близость чёрной дыры не вызвала бы такого уж ошалелого удивления. Да, изумление оцепенелое, как гром от кристально синего небосвода. И потому пристально внимательно оглядывались теперь в этот неожиданный миг, и прислушивались. Звук голоса представительницы неизвестной космической цивилизации был мелодичен, красив своей тональностью для их слуха. Но тем больше был укол злости и презрения в этих чарующих звуках. Наконец, они увидели её, которая и пребывала недалеко в стороне в злости, но и была в сиянии ох красы бесподобной, что и не заметить нельзя, будь хоть с самых окраин Вселенной. И огонь неизвестно чего блеснул в глазах космических гостей.

Но не менее, а может более, удивлён был и Стэн, стоявший рядом. Он также испытывал состояние шока. И было отчего. Она говорила незнакомые звуки, которые и понимали, именно понимали вот эти космические гости. Откуда? Из далёких ли глубин разума его как-то начала выкарабкиваться догадка...

Но не только. В выражении гневных слов особенной остротой заблестала вот такая красота её, чарующе красивый лик её. Да, и в гневе была она прекрасна! Как же он не знал и эту сторону.

И в этом гневе вспыхнула, выразилась какая-то справедливость, известная только ей. Но как, же, долго скрывала она это?

6

Быть может, и им был присущ шок, как и подобает разуму, не лишённого какого-либо чувства. Во всяком случае, немая сцена продолжалась, ставя гостей в неловкое положение. Процессия делегатов от инопланетного корабля поспешила незамедлительно покинуть роскошный «Монблан».

Никто ничего не заметил, и потому никто ничего не предположил. И лишь Стэн в единственном числе, и больше никто. Но вовремя подошли те двое из делегации пришельцев. Он слышал это, он видел это. Волнение любимой девушки не могло не передаваться ему. Но Мидори молчала, и нужно было время до познания самой истины, что укрылась в этой неожиданности. Ещё как.

А земляне ликовали. Наученные опытом далёких предков, они знали, как дорог бывает союз в любой войне. Но Стэн, видя волнение и тревожность на лице Мидори, что отразилась

бледностью поверх прекрасного образа, теперь-то уж и не разделял всеобщего потока эйфории. Но почему? Быть может потому, что Мидори была на корабле этих монстров глубинного космоса. И сейчас, в этот миг, она, любимая, представала в новом свете, в совершенно ином свете. А как же...

Она, единственная из землян, вошла на контакт с вездесущим, могущественным разумом. Но ведь как не прислушивались к ней раньше. И он тоже не мог принять всецело её доводы о дружбе с этим монстром. Хотя, все видели тогда, как он провожал её в открытом космосе. Но сыграло недоверие, само неприятие образа сначала на подсознательном уровне, переросшее затем и в ясном сознании, и доминировавшее...

Вот так образ дьявола! И потому вот эта вся милитаризация.

– Стэн, я на Плутоне скажу тебе всё. У нас есть время. Надеюсь, не уйдёт оно, – говорила Мидори загадочным тоном, на что Стэн и не стал возражать, преодолев таки вот это уж сильное вызываемое чувство любопытства, что начинало распирает и распирает.

И опять в третий раз вот эта самая опушка удивительно сказочного леса в таком комфортабельном месторасположении, как цветущий по разумению, желанию и велению человечества – Плутон. Она становилась какой-то магической, мистической. Быть может, невообразимо неизвестной стороной судьба благоволила благодаря атмосфере именно этого места для них обоих. Быть может...

Мидори говорила, поведала Стэну всё до мельчайших подробностей о том периоде жизни на корабле тех чудовищ ужаса, по разумению землян, из неведомых территорий Вселенной, о своём обещании, данном тому монстру, повстречавшемуся тогда на той экзопланете, о том, что она не скажет о знании языков. Да, именно языков владельцев разума, которые и родились и устремились на развитие, что так далеко, уж очень далеко, за целые миллиарды световых лет от Солнечной системы.

Она поведала Стэну в подробностях, в деталях разговор тех двоих. Да, она ошеломила пришельцев точно знанием их языка, что показалось им невозможным в силу такого расстояния космических масштабов. Ошеломила и уличила их лживую сущность, так и выставив их в состоянии шокирующей неожиданности. Это был величайший сюрприз! Такого ещё поискать во Вселенной! Она также добавила ко всему этому и высказывание того, третьего, подошедшего чуть позднее.

Стэн поверил безоговорочно, и потому возмущение его нарастало, как и возмущение самой Мидори. Вместе сообщили обо всём этом сначала Бёрдсли, затем Майорову и дальше. Так как в Конгрессе Звездоплавания уже давно не наблюдалось единства, то, так быстро образовавшаяся делегация от «Джомолунгмы» обратилась к Фонтэну. И при каждой такой встрече Мидори демонстрировала свои познания в языке, и не только гиамантов, но и риалан и, само собой разумеется, познания в языке этих чудовищ, антеров. С чем и вышли в Конгресс Звездоплавания на Марсе.

Марс, когда-то ставший второй обитаемой планетой Солнечной системы, встретил их своей ухоженностью этакой милой сельскохозяйственной фермы или же уютного курорта с весьма мягким климатом. Небольшие моря, озёра, соединённые не столь широкими реками, образовывали цветущие долины, живописностью не уступающие земным. Но больше всего, конечно, привлекали у туристов не они, рукотворные создания могущественной цивилизации, а исконные, естественные чудеса некогда красной планеты, хотя бы те, же, гигантские каньоны, не имеющие себе равных во всей Солнечной системе. Самый знаменитый из них – каньон в долине Маринеров. Всю длину в 3600 километров оставили именно для обзора, как и саму впечатляющую семикилометровую глубину. А вот знаменитая красноватая пыль, некогда покрывавшая всю поверхность, находилась в заповеднике, также притягивая туристов.

Мидори впервые стояла перед величественным и блистательным в сиянии серебристого цвета, зданием Конгресса Звездоплавания, напоминающего издали парящего орла. И хотя она

видела всё это много раз по телевизору, в интернете, в глянцевых журналах, открытках, но ощущение от личного пребывания здесь было несоизмеримо острее. Но не само здание придавало ей такое чувство, а сам фон, придающий всему этому ощущение волшебной сказки. И было отчего. Ведь на заднем плане, уходя далеко в марсианское небо, возвышался чемпион Солнечной системы – гора Олимп. Жители Марса вполне основательно гордились этим исполином высотой в пятнадцать километров.

Зал заседаний постепенно заполнялся. Чинно, важно, не спеша, не суетясь, как точно предки в своё время, заходили, усаживались члены Конгресса. Вид у многих из них говорил о высокой значимости собственной персоны. И в начале эпохи межгалактических прыжков не так уж далеко ушли от тех же предков. Этим, кажется, вечным качеством выделялись не только прославленные в прошлом космические волки фотонных перелётов, но и те, кто делал путь на вершину данной лестницы не обязательно в звёздных экспедициях, но и в службах сопутствующих им, (вечная стезя чиновников), да и не только.

Такова уж природа человеческой души – будь подобен своему возвышению, а значит и своей значимости. Но находились и те, которые вели себя скромнее, намного скромнее. И в основном-то таковыми были вот те самые прожжённые космические волки, знающие истинную цену себе. Редкий случай, когда именно вот это заседание обещало стать прозрачным. На этом настаивала Мидори, да и делегация «Джомолунгмы» также активно поддержала её, да и сам Фонтэн был не против. Потому в представителях массовой информации не было недостатка.

Вот перед ними-то на таком уровне и должна выступить Мидори, доказать своё видение, своё мнение на вот это последнее событие исторического масштаба, что сродни великой дате.

Вступительная речь Фонтэна была короткой. Не время было расточать фанфары по какому-либо юбилейному поводу или каким-либо успехам, к которым так привыкли за последние века триумфального восшествия на вершины могущественности.

Мидори с тревогой окинула взглядом зал. Среди множества незнакомых лиц она всё же различила знакомые, дорогие, родные: Элкьяер, Янг, Бёрдсли, Майоров, Нгуги и, конечно же, Стэн. Ведь, как никак, а он тогда оказался единственным свидетелем этого необыкновенного диалога, настоящего языкового разговорного диалога представителей двух разных миров. Они одним видом своим выказывали поддержку. Они понимали. Надо было начинать.

– По возвращении домой я подверглась тщательной проверке, ибо мне не доверяли. Потому что, эта хрупкая девушка провела длительное время на корабле страшных дьяволов космоса. Хотя, я пыталась как-то доказать что-то обратное, но всегда наталкивалась на стену непонимания. Полагаю, что недоверие это идёт генетически от предков. От того у меня, сразу же по возвращении, изъяли во время карантина, как бы для полного изучения личное оружие великого полководца антеров. Конечно, анализ был проведён по всем канонам современной науки. По его аналогии созданы тысячи экземпляров этого оружия, и будут созданы миллионы, миллиарды и более. Ну что ж, если так, то так. Я не возражаю. Но почему, же, не вернули мне его подарок. (Возможно, в этот момент и представился удобный случай высказать свои претензии, обиды, но не это, не это, важно сейчас совсем другое.) Он сказал тогда: «Мидори, я дарю тебе своё личное оружие. И это означает, что мои корабли никогда не повернут оружие против твоего мира». И когда я принимала этот подарок, то говорила ему, что этот миг для меня, как минуты высшей радости и счастья. Я на слово поверила ему, в его истинный порыв души без всяких на то документальных подтверждений, которые всё ещё развиты в нашем обществе. Это был дар в знак доброй дружбы. Но, к сожалению, его подарок в моей родной Солнечной системе постигла другая участь. Он хранится у вас здесь, в тайниках Конгресса Звездоплавания, время от времени выставляясь среди прочих, как драгоценный экспонат из глубин космоса, на который так и заглядываются некоторые толстосумы из олигархов, вот такие любители разных раритетов с сокровенной надеждой выкупить для частной коллекции. Я обратилась только однажды с просьбой вернуть подарок, на что получила ответ: «Это – достояние всей

цивилизации. Эгоизму здесь не может быть места». Выходит так, что личное оружие великого воина может принадлежать в качестве подарка ли, трофея ли, хотя какой уж тут трофеей, даже тем, кто в те дни так трусливо тряслись перед одним только видом его, и возненавидели его там, в неведомой галактике бездны дальнего космоса. Да и здесь тоже, под прикрытием мощного военного флота, продолжают бояться и ненавидеть его. Ну, да ладно. Не буду отвлекаться на проявление низости души земного происхождения у некоторых. Не для этого я здесь перед вами. Я получила в подарок от великого воина не только его личное оружие, но даже то, перед чем померкнут горы золота, бриллиантов, драгоценных камней и всего, всего прочего, вознесшихся на вершину материального благополучия...

И тут-то Мидори сделал паузу. Намеренно ли? Возможно. Пусть на миг посетят мысли, идущие в душу, в сердце, в совесть. Делегация «Джомолунгмы» знала про факт изъятия этого подарка. Карантин! Ему подвергались все корабли. Тогда Мидори безоговорочно предоставила лучевое оружие из неизвестного материала. И это было известно Элькьяеру и Янгу. Но вот то, что отказались отдать обратно...

На основе этого оружия были созданы тысячи и тысячи единиц. Что стоит распознать неизвестный секрет современными средствами технологии, когда он готовенький лежит перед тобой. И не надо конструкторских, исследовательских изысканий. И потому становились жёсткими, суровыми лица присутствующих здесь Нгуги, Майорова, Стэна. Уж кто-то, а они-то воины! Потому что из космической разведки. И на все сто процентов вероятное творилось со всеми космическими разведчиками всех кораблей, в прямом эфире онлайн взиравших на это любопытное заседание из Марса, из зала заседаний Конгресса Звездоплавания. Мол, как же собираетесь противостоять этому чудовищу, поистине великому воину, и всем его воинам?! Где же воинственный дух предков?! И где благородство??

Раритет. Оригинал. И пусть теперь такого оружия громадное число. Раритет! Оригинал! И этим всё сказано. Неслыханную цену будет иметь вещь, изготовленная где-то в непознанных глубинах Вселенной неизвестным технологическим способом. А что же до этих алчных толстосумов, различного рода коллекционеров, то нюхала ли порошу вот эта порода от высокотехнологичной цивилизации? Дрожащие от страха перед одним только видом этого монстра. Узнал бы он, тот самый дьявол – воин, полководец антеров, про всё это, что подумал бы? Неужели так низко пали? Неужели всё вот так продаётся и покупается? И вслед за космическими разведчиками становились жёсткими лица Фонтэна, Элькьяера, Янга, Бёрдсли, да и всех прожженных первопроходцев дальнего космоса. И не только.

Но негодование уступило место всесильному любопытству. Про какой такой ещё подарок говорит она? Но не торопили Мидори, выждавшую паузу.

– Я получила в подарок то, перед чем действительно меркнут для меня горы золота, бриллиантов и прочих драгоценных камней и всего остального. Вот этим-то подарком, этим бесценным даром я и готова в данное время поделиться со всем человечеством. Великий воин сказал мне тогда: «Ты несёшь в себе новые знания. Во время сна мы имплантировали, вложили знания языка антеров, риалан и гиамантов. Всё может быть, когда могущественные цивилизации пронизывают Вселенную на могучих кораблях. Всё может быть, и тогда быть может, и пригодятся твоему миру вот эти знания, мой подарок тебе. А так, пусть эти знания о нашем языке останутся твоей тайной». И тогда я спросила его: «Ты хочешь сказать, что возможна встреча и с ними». Не задумываясь, он ответил мне: «Так же, как и мы встретились». И подобные встречи оказались возможными в эпоху гиперпространственных варп-двигателей. И вот такая встреча произошла, случилась у ворот нашего дома.

Мидори прервала речь на вторую паузу. В зале тишина. У аудитории телевизионных каналов, интернета Солнечной системы, когда идёт эта трансляция в прямом эфире на все планеты, их спутники, космические комплексы космических городов та же тишина и затаённое дыхание наступает в зависимости от скорости электромагнитной волны, пронизывающей

пространство, примерно, в 300000 километров в секунду от источника, находящегося на планете Марс. В том, что у этих каналов в данное время преобладающая аудитория, сомнений не было. Ни одно направление развлекательного характера не могло конкурировать в данный миг с этим. Сопутствующая реклама была сделана, но и без того внимание землян достигло высоко высочайшей концентрации. Ещё со времени встречи с Бёрдсли Мидори и Стэн настаивали на прозрачности, доступности информации. Да и, действительно, о какой тайне может идти речь в эпоху единства Солнечной системы. И потому сейчас и ждали все на всех планетах, их спутниках, космических комплексах космических городов, и, конечно, в этом зале Конгресса Звездоплавания именно фактического доказательства.

Далеко-далеко, за далью, за вечной далью, от дымчатого горизонта, укрывшее нереальное от реального, рождалось, показалось, приближалось. В чём было проявление его, жаждущего, будоражащего, всевластного, таинственного? Оно приближалось, обволакивая, окутывая, захватывая. Быть может, вялое или же бойкое течение времени входило в черту торжественного момента, предваряя высокую вершину созерцания феерического, психического явления. Разум, воображение сводились к одному объекту. А он стоял во весь громадный рост. Бледно-синее лицо, ястребиный нос, взгляд от глаз глубинно широких, устремлённый от бездонного колодца, наполненного неведомым интеллектом, смешанным сразу и пылающим огнём, и леденящим холодом, торжественно зелёным отсветом исчадия. Ужас и страсть дикого неумного зла, источающего яд, и повергающего всё на пути. Упругие волны страшной таинственности в немыслимом сочетании господствовали в пространстве. Пронизывающий ад! Необыкновенный тембр, необыкновенная окраска, сотканная грубостью и гипнотической магией, являющую суть неведомой, но страшной души. Нет. При всём, при этом присутствовала красивая мелодия голоса Мидори. Но, как же, зазвучит это всё от самих истинных носителей языка чудовищ?!

– Я говорила на языке антеров, на языке моего друга.

Холодный пот прошиб аудиторию. Звук лечит, звук оглушает, звук убивает. Бывали случаи, когда древние кельты особым криком своим повергали войско противника вспять. На Земле старинные мастера восточных единоборств учились издавать звук, исходящий из глубины живота, способный убить мелких животных и парализовать человека. Крик «лечащий», крик «умертвляющий».

Эффект действия упругих волн, звуковых волн зависел не только от высоты тона, но и от мысли, от концентрации её, выбрасывающей ментальную энергию на ум перцепиента, в данном случае на слушателя. Но Мидори не кричала, она говорила, и притом красивый тембр голоса её физически не менялся. Случилось всё так, что особый метод интроскопии вызвало массовое звуковидение, притом одной направленности, и без всяких на то звуковизоров. Инопланетная артикуляция возымела действие, создавая энергетику мистики. Как эзотерическая мантра! Как трансформация необыкновенности! Как волшебство магии!

Как жалки те, как ничтожны те, забравшие, якобы для всеобщей пользы, всеобщего обозрения оружие великого воина, как подарок, дар от души дьявола ли бездны Вселенной.

Но вот что богатство, что положение в обществе, что власть, приходящая и уходящая, по сравнению с тем, чем владеет она. И этот смысл также доходил до всех. Но как сильна она в данный миг истины!

Язык риалан представлял собой набор непонятных звуков, ничего не значащих для уха землянина. Если бы Мидори начала с этого языка, то, возможно, у многих закралась бы мысль: «А не обманывает ли нас эта девушка? И я могу так же издавать непонятные звуки». Но сейчас далеко не тот случай. Пережившие небывалый шок, аудитория от Меркурия до Плутона и Харона серьёзно, вдумчиво внимала всему тому, что предъявляла им эта юная космогонистка из «Джомолунгмы». После потрясающе шокирующего эффекта от языка антеров этот язык

такого уж должного впечатления не производил. Ну, конечно. Теперь-то ждали тембр языка недавних космических гостей.

Некоторые языки народов Земли звучат переливом плавного, ласкающего слух, журчания чистого ручья. Сам язык, само произношение настраивает на прелестную музыку сладостного покоя. Лилось царство мелодии, как солнечный зайчик яркого майского дня на прозрачном оконном стекле. Успокаивая, убаюкивая, уводя мятущийся дух куда-то в безоблачную высь. И фантастическая красота тональности голоса этой юной космогонистки заводилась в какой-то особенной мелодии, пленительно завораживающей, возносящей до вершин очарования. Неужели такое волшебное созвучие звуков создают сами носители этого чудесного языка? Или он, язык, расцветает как ранний весенний цветок лишь в исполнении этой прекрасной земной девушки?

И снова аудитория была взволнована, но на этот раз эффектом обратным. Есть всё-таки у природы и яркое оформление окраски звука!

Конечно, перевод. Нужен был перевод всем этим необыкновенным комбинациям необыкновенно переливчатых звуков. А доказательства уже предостаточно, даже с лихвой.

– На языке антеров я пожелала всем слушателям благополучия, радости, исполнения всех сокровенных желаний, – размеренно, даже очень размеренно поясняла она первую тираду, ужасную тираду на этом ужасном языке.

На языке риалан она повторила то же самое, что говорила на языке антеров. «Ну, а что могла сказать эта космогонистка нам на красивом переливчатом языке недавних космических гостей, гиамантов, как называет она их? То же самое?» – такая мысль в форме вопроса могла возникнуть синхронно у явного большинства аудитории от Меркурия до Плутона и Харона, если не у всех. И ждать пришлось недолго.

– Мы часто воспринимаем природу вещей, всего окружающего нас, глазами нашего мозга, определившего для себя тот или иной критерий прекрасного, исходя только для благополучия своей души. Красивый цветок может быть ядовитым, а невзрачная трава может быть целебной. Но опять, же, это в восприятии отдельной души индивидуума, носителя разума. Для Природы всё едино, – на этом месте Мидори сделала короткую паузу в полной тишине зала Конгресса Звездоплавания, как и в полной тишине у экранов плазменных телевизоров, мониторов, голограммных парио компьютерой, транспьютеров от Меркурия до Плутона, а затем последовало продолжение. – Вот так я на языке гиамантов хотела высказать свою мысль на данный период, на данный миг истечения реки-времени в истории, может, и не только Солнечной системы, – и, та же размеренность в словах не по годам мудрой девушки, но ведь и пережила такое, что и оказалась единственной такой на всю цивилизацию.

Мидори слово в слово перевела весь тот разговор недавних космических гостей на «Монблане». Ей верили, не могли не поверить.

– Нам нужно сейчас, как никогда, понимать историю древней Трои в изложении великого Гомера, – в заключение подытожила она перевод разговора гиамантов, взбудоражив в разумах землян тот самый образ громадного, рукотворного деревянного коня, «троянского» коня от воинов Спарты – того воинственного города светлоликой ли земли Эллады – Великой Греции.

* * *

Опять посетило её вот это ненавистное чувство, из-за которого она сама себя обрекла в изгнание, в добровольное изгнание. Не передалось оно ей генетически. Но когда, же, привилось? Из-за этого гадкого чувства она продолжала ненавидеть себя. Сколько можно так терпеть? Когда-то сбывшаяся мечта стала неизмеримо далёкой, недоступной. И некого винить кроме самой себя. Старалась, изо всех старалась изменить себя. Но вот опять, опять вот это чувство. Да провалилось бы оно пропадом. Но идёт оно неизвестно откуда, из каких-то даль-

них, дальних уголков собственной души. И неужели нельзя ничего поделаться. Будь проклято оно, это чувство, простое чувство. Как просто называется оно – зависть.

Из-за этого ненавистного чувства она вогнала себя в это изгнание. И пусть Япет, этот милый спутник Сатурна феерически красочен и уютен, но она в изгнании. Пусть в этом прекрасном ухоженном краю, но она в добровольном изгнании.

Совесьть – сознание морали, сознание души. Она ли движет ею? Но где же была она, вот эта совесьть, когда она стояла на одной стороне с теми, по сути предателями не только этой девушки. Но и всех? Ложное направление, ложная убеждённость души? Уж кто-кто, а вот те, за которыми она пошла, так ярко, артистично, а некоторые и убеждённые в своей правоте, выставляли свою совесьть как благо для всех. Трусость, даже не страх, властвовал над ними безраздельно. Страху подвержены все, но волей мужественный одержит над ним верх. А вот ею властвовало именно это гадкое чувство – зависть. Она, эта девушка, её коллега по космогонии, Мидори, победила страх. Победила и «Джомолунгма». Какая горькая досада, какая горькая обида, что она не была в их рядах. А ведь могла бы... Никто не мешал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.